

ВНИЗ ПО СКУЧНОМУ АХЕРОНУ

Сцена - СЯБ. 2000 - 24 елв. - С. 6

Кому из нас не хотелось прокатиться по Миссисипи? Или по Гангу? Всем хочется, понятно, да не всем удастся. Автор вышедшей в издательстве "Подкова" книги "Пять рек жизни" - из тех, кто может позволить себе такое удовольствие, и, открывив ее, читатель вправе ждать если не "разумного, доброго и вечного", то хотя бы чего-то оригинального. Увы, он этого не дожидается.

Парадокс, но, взяв самый экзотический материал, Виктор Ерофеев умудрился написать самую скучную свою книгу. В эпиграфе читаем: "Путешествия укорачивают жизнь. Чтение о них делает ее практически бесконечной". Однако чтение ерофеевской книжки укорачивает жизнь гораздо больше самого утомительного путешествия. Да и путешествия ли тут описываются?

Нет, мы знаем, что истинный писатель не уни-

жается до физиологических очерков, что он пишет о себе, а материал - вещь второстепенная. Но тогда извольте дать достойную замену уныло-стандартному описанию "дорожных впечатлений"!

Замена же вот какая: "Индусы - заводные игрушки. Красные жестяные божьи коровки". Или такая: "Берлин - безобразен, берлинцы - безобразны".

Один из основных приемов писателя Ерофеева - провокационная поверхностная формула, аргумен-

тировать какую-то он не видит смысла, торопясь дальше по течению. Еще один прием: снижающая реприза, сводящая любое впечатление к столь любимому автором телесному низу: "Фрау Абер считала, что Гималаи примут вызов. От напряжения из нее потекла в снег моча. Природа замерла. Горы безмолвствовали". В сущности из таких пошлых анекдотов и банальных афоризмов и состоит книга.

Хотя в ней еще, кажется, присутствуют какие-то

персонажи. Какие-то капитаны, адвокаты, Лоры Павловны (единственная, кто хоть немного запоминается) - многоликая спутница-немка. Впрочем, даже ей лирический герой отказывает в реальности, бросая реплику: "Езжай, химера!"

Пусть "езжает", не жалко, поскольку и она, и другие - не более чем муляжи, фанерные щиты для отражения авторских мыслей. Лирическому герою скучно, для развлечения скуки и придуманы эти бледные тени, которых можно стегать ремнем, унижать и говорить по их адресу, что в голову взбредет.

Великие реки и чужие культуры - тоже стенки, в которые герой упорно стучит своими мыслями-мячиками, долбит как дятел,

но проникает разве что на сантиметр. Да и нет тут никаких рек, тем более - "жизни". От первой до последней страницы читатель вынужден плыть вместе с автором по мертвому Ахерону, вот почему раздел "Избранные фантазмы старого Рейна" до боли напоминает, допустим, "Летающих аллигаторов над Миссисипи".

Иначе и быть не может: для обескровленного постмодернистского сознания, не заряженного любовью и бескорыстным интересом, любая культура, история, традиция - звук пустой, предмет для циничной игры. И благо, если бы игра была с куражом, с задором - так нет же, унылая она и тоскливая, будто бурлацкую бечеvu Ерофеев тянет и на Волге, и на Рейне.

"На Рейне я, наконец,

понял, кто я на самом деле. Я - Лорелея в штанах".

Бечева напрягается, ерофеевская баржа доплывает до Ганга, и опять: "Служитель крематория, весь в красном, вешает мне на грудь гирлянду человеческих костей. Я похож на людоеда".

А что? И впрямь похож, во всяком случае, больше чем на Лорелею - в штанах или без оных.

Отдельные пассажи в книге, конечно, не лишены смысла, они могут претендовать на статус обобщений, пусть и поданных с обязательной лихой безапелляционностью. Но, едва мелькнув в тексте, неположенная авторскому сознанию реальность тут же скрывается под мутными волнами Ахерона.

Владимир ШПАКОВ